

Пантелеев Ярослав

Смерть нежна

Верлибры и истории

A romantic couple is shown in silhouette, embracing and kissing. They are positioned in the lower center of the frame, with a bright light source behind them that creates a strong glow and casts long shadows on the ground. The background is filled with a dense shower of falling white particles, resembling petals or confetti, which adds a dreamy and tender atmosphere to the scene.

18+

Ярослав Романович Пантелеев

Смерть нежна.

Верлибры и истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67461341

SelfPub; 2022

Аннотация

Еще в двадцать один год, когда он только-только взял в руки перо, он четко разграничил: Писатели делятся на два вида: кто своим стилем убивают так называемую объективную реальность, создавая миражи, оптические иллюзии, вводя читателя в шаманский транс, в гипноз, и те кто бьют в лоб, указывая на мерзкие проявления объективности, впрочем, не забывая и указать о прекрасных свойствах окружающего мира. И он решил сочетать себе все несочетаемое, быть не уловимым логическими путями.

Содержание

Лесной жор	4
Наташа и отец	6
Урок матемматики	8
Поколение подземка	10
Смерть нежна	12
Иннокентий и Марина	14
Одинокая	17
Новая земля	20
Богомол вторая версия	23
Сумасшедший кот на кладбище	24
Новый виток дадаизма	25
Гордому поэту, пишущему исключительно в стол	27
"Его жена курица" – рецензия	28
Листопад в соломенных часах	31

Ярослав Пантелеев

Смерть нежна.

Верлибры и истории

Лесной жор

Склизкий рыбий глаз горел в земляной траве. По всему захолустному лесу разносилось чавканье запоздалых листьев- это букашки ели землю. Соленный свет больно ударил по глазам. Незнакомец стоял и молча курил мяту, трещала травка. Лес был пуст. Лес елся. А вдалеке елись горы, елись птицы, звери, люди, насекомые, бородатые анекдоты. По миру разносилось чавканье, картавое хихиканье – как сказал бы отец- лесной жор.

Тучи жрали небо, небо жрало листья, листья жрали ветви, ветви отпивали мертвеца. Мертвец лежал в открытом гробу с закрытыми глазами, он был холоден и весел. Мертвец жрал гроб, гроб жрал смерть. Незнакомец жрал свою голову и запоздалые листья хрустели под ногами. Дети незнакомца жрали сахарную вату в цирке. Политиканы жрали школьные сочинения, студенты жрали родителей, учителей же жрали родители.

Под это чавканье всеобщего одобрения Ивану Бунину ис-

полнилось 84 года. Отошла Русоязычная литература. Лес- вот вечная тема для классика. Лес- как символ одиночества, блуждания, пути к себе и как ни парадоксально самоедства. Поэтому лесной жор тема близкая по духу всем кто прикладывал хоть однажды к виску холодный револьвер жизни.

Наташа и отец

Как известно у стариков дни идут назад, а не вперед. Погружаясь в прошлое они все реже понимают зачем живут. Их голоса как зеленые ломтики кукурузы, ломаются на глазах у детей.

Так получилось, что Наташа хотела сдать своего отца в дом престарелых, оплатила врачам чтобы были хорошие условия. Но отец отчаянно сопротивлялся и говорил что хочет умереть дома. Наташе было на это наплевать, ей нужна была свободная комната.

И вот Иннокентия Захаровича посадили в коляску и дали бритвенный станок.

– Брей свои усы, рыжий таракан, а я тебя все равно выгодно – кипятком говорила Наташа. В том смысле, что голос ее был словно кипяток, журчащий, живой, обжигающий своею естественностью.

Иннокентий молча взял станок, но вместо того чтобы брить ус, резанул Наташу по горлу. Полилось красное, но не кровь, ржавчина, скорее, густая и обильная как неблагодарность.

Иннокентий Захарович, так же, соблюдая, гробовое молчание протер полотенцем лезвие, взял со стола трубку, и закурил, но дым тек не из трубки, а обратно, так же как и дни у стариков. Легкие Захаровича наполнились дымом, и он за-

крыл глаза. Но из скукоженного, сморщенного тела, вылупилась птенчиком душа. Она бархатно засмеялась, и полетела к потолку. Встретившись с душой Наташи глазами, оно сказало: «Наконец-то вижу.» Оно схватило ее за шиворот, как котенка, стукнула семь раз оземь, а потом коршуном обняла. «я прощаю тебя»– прочирикала птичка, и отпустила тварь на землю. Тварь упала на землю...

«28.06.21»

Урок математики

Тварь упала на землю, Митя и Вова накинулись сверху и начали душить. В конце концов убили. Труп птички чем-то походил на символ забытой свободы в наших головах.

Митя и Вова сделали, как они были убеждены хорошее дело. Они остановились прикурить. Шел январский меланхоличный снег, падал на головы, руки, засыпал даже в воротники. Очень красиво! Митя зажмурился от удовольствия.

– Который час?– спросил вдруг выйдя из оцепенения Вова

– Мне все равно-ответил искренно Митя, ему действительно было все равно. Он был счастлив.

Вдруг над головами раздался фейерверк и ребята посмотрели на ночное красивое небо. Красные, синие, зеленые огни появлялись, загорались и тухли в могучем небе. Новый год! Били куранты.

– что было в начале?– спросил Вова.

– В начале были цифры- ответил Митя- а слов до сих пор нет. Числа правят этим миром- математика царица наук. В начале были цифры

– А я думаю слово, как в Евангелие- поспорил Вова

– Ты что. Так только Христос и считал, и его за это же между прочим и распяли. По этому гони эти мысли от себя прочь- В начале были цифры, потом числа, потом... уравнения.

– Не понимаю тебя. По- моему глупость- изрек Вова.

– Сам ты, глупость ходячая- ответил на это Митя- все заткнись. Мгновеньем насладится мешаешь. Снег шел, и приятно хрустел на зубах. Митя открыл рот и маленькие снежинки падали, и таяли вкусно на языке

Поколение подземка

Леша принадлежал к поколению, которое напрочь не знало что- такое закаты и рассветы, поколению подземка. Люди покинули землю и недавно обосновались под землей, и вот родилось новое поколение молодых людей воспитанных на подземных ценностях. Это поколение, разболтанных сорванцов, которые не знают что такое свет в любом смысле этого слова. И Леша тоже не знает. Бедные, молодые люди- печально говорит взрослое поколение- у них нет совершенно моральных ценностей- и они правы, какие моральные ценности могут быть у детей подземелья.

Каждый вечер Леша, как и все дети, расчищал торф, и грузил уголь, а днем развлекался с друзьями по несчастью или спал. Леша не любил подземку и хотел узнать верхний мир

Лучший друг Леша Рома был крепышом, со стальным взглядом. Они вместе ходили ловить червяков, которых в подземелье было пруд пруди.

– А знаешь- сказал ему однажды Рома- почему старшее поколение нас так не любит?

Леша помотал головой.

– Потому что мы Солнца не видели- ответил обрадованный незнанием Леша Рома, как ученик, который выучил лучше урок своего соседа по парте.

Леша мотнул головой. – Не знаю ничего про это- сказал он – Зато я знаю- ответил Рома. На том разговор и кончился.

Жизнь в подземелье была скучна, и шла медленным тягучем чередом. Дни летели, ребята становились все старше.

– А давай пока не кто не видит, на солнце посмотрим- предложил однажды Леша.

– Не- из подземки высовываться я не буду- опроверг идею Рома. – Мне не интересен верхний мир, не хочу быть как они, наше прошлое поколение. На то мы и дети подземелья, чтобы оставаться в подземелье.

– Я с тобой не согласен- лишь пробубнил Леша.

Однажды Леша проснулся, и понял что больше так не может. Он начал думать, анализировать ситуацию и пришел к такому выводу, либо сегодня, либо больше никогда. Он встал, осмотрелся, и начал раздвигать лопатой стены подземелья. Вот одна трещинка, вот вторая- и вот уже третья. Верхний мир начал наползать, и солнце просачиваться внутрь. День бил во всю. Поток солнца захлестнул Лешу с головой, и вдруг он заметил, что скользит по стенам подземелья, как луч.

Он боялся проснуться, но все же ущипнул себя. Нет. Это была явь. Вот летит, несясь благодаря солнечному потоку, обгоняя все ветра. Вот он летит в небо, и замирает точкой на небосводе. Леша стал звездой выбравшейся из подземелья навсегда.

Смерть нежна

После обильного ливня город укрылся белой простыней тумана. Машины, словно железные овечки, спрятались в свои пастбища, гаражи. Юный пастух, Юдин, сидел на крыше такого ангара, и играл мелодию на дудке. Это была колыбельная, старая. Как первое слово.

Юдин не был хорошим музыкантом, но всегда идя на крышу, он брал с собой какой-нибудь музыкальный инструмент. На сей раз это была розовая, акриловая дудка. Компактная в руке и умеренно легкая по весу. В такт мелодии где-то из глубины тумана лаяли собаки.

Но Юдин не сбивался, напротив это давало ему уверенности. Пальцы ловко сплетали узоры звуков, распуская невиданные до сей поры, туманные цветы. Это были нежные птицы, и мертвые дельфины, распутные девушки и целомудренные совы. На секунду показалось, что он ошибся, но это была лишь театральная пауза, скоро продолжит цвести.

Так играя, ноту за нотой, он дошел до роспуска пальцев, потеряв равновесие, эфирное тело ускользнуло в объектив первозданного творения. Дудочка распахнула свое брюхо, как харакири самурая, и выплевала последний свой красивый яд. Это была смерть всему живому. Это была ночь.

Юдин смахнул капли пота со лба. Сквозь ночные порывы ветра слышался сонный храп автомобилей. Туман рассеялся,

и вот на небе показались сморщенные от старости звезды. Из них сыпался песок. Желтый сон.

– Все таки как нежна смерть... – подумал юный Юдин. И нырнул окончательно в Лету....

Иннокентий и Марина

Он внимательно смотрел в раковину ее женских, а значит и сексуальных губ, в надежде, что она решится обнажить ему свой жемчуг – язык. Ему нравилось, когда девушки его дразнили языком, в этом он находил силу. Ему нравилось, когда его унижали, что там греха таить.

И вот она окатила его волной презрения, словно говорила, Иннокентий, вы не заслуживаете даже эпизодического появления в романе моей судьбы. Ни то что полноправной роли. И Иннокентий со всем этим был согласен.

Он сжался в плечах, как листочек туалетной бумаги, помялся, покачнулся. Потом он услышал мягкое прикосновение

Простите- сказала Марина- я вела себя с вами слишком гордо, все что я сказала тогда: ... в общем, я хочу чтобы вы знали, я так на самом деле не считаю... Вы не плохой и даже стараетесь вроде бы, но я все равно не люблю...

Она врала:она действительно высказала все как считала, она действительно испытывала к нему одно лишь презрение, просто на мгновение в ее парадоксальной темной женской душе вспыхнуло мимолетное светило сострадания, ко всему слабому, а Иннокентий действительно был слаб.

В этой женщине не было черствости, и поэтому она не хотела погубить. Ей просто он был неприятен: неприятен его

внешний вид, манеры, его знаки внимания ей. Она хотела от всего этого отгородиться. Но мучить она не хотела, а если и хотела, то только на первых порах, до того как ей пришла в голову, страшная мысль. «А вдруг у меня будет такой же ничтожный сын... Потерплю»

Но она не понимала, что Иннокентия возбуждало женское неприятие. Иннокентий любил унижение, а не признание, он даже мечтал о пощечине. Он думал, чтобы ей сказать, или как поступить, чтобы вывести снова ее из себя.

Но Марина была очень спокойна и расслаблена теперь, она его разгадала, и как женщина и соответственно духовная личность, описала внутреннее всю его подноготную. Слабый, глупый, противоречивый. И неожиданно, для самой себя она стала сострадать. Что его сделало таким? Ведь не мог родиться сам по себе ничтожеством. Наверное обстановка в которой он рос, воспитывался... или просто болезнь. Да и вообще, какое ей дело. Просто человек, которому тоже нужно тепло, ее тепло в частности... ну и ладно, все мы в конце концов люди.

– Вам нравится боль, я угадала?

– Нет- попытался соврать Иннокентий

– Ладно, забудьте. Это ничего. Просто выкиньте из головы, все это в прошлом, на эмоциях. Идите домой и выспитесь, от Вас дурно пахнет.

– До свидания... – было пытался вставить свое слово Иннокентий

– Прощайте!– оборвала его Марина

И смыла этот закомплексованный клочек бумаги, хоть и с некоторым состраданием в недра своей инстинктивной памяти.

А Иннокентий молча со смирением поплелся домой, поджав плечи, так и не получив нужного эффекта, от было начавшегося, но быстро обломавшегося, не до произошедшего, намечавшегося было женского буллинга. Он пришел домой и выключил свет, разделся. Встал на табуретку, и ушел в себя, как внутренний эмигрант, или Будда, засопел и включил в себе день.

А Марина тем временем на кухне писала письмо любовнице о том, какая была погода в Коктобеле в среду.

Одинокая

Апатичное настроение сковало ее руки и ноги. Угрюмо смотря в стенку Мария начинала понимать, что стенки не какой нет.

Снег падал на нее, а холод сковал сердце. Мария вновь забылась. Перед ней, воспоминаниями снова стоял этот мальчик Коля и держал в худеньких ручках обглоданную краюшку хлеба. Хватит, сказала Маша и открыла глаза.

Она спала, это был сон. Проснувшись, она обнаружила себя в своей комнате. Ничего не произошло- все по прежнему. Тумбочка, будильник, шкаф. Достаточно понять, что после того, как пройдет время и глаза откроются, все внутри и снаружи тебя изменится, и ты приобретешь свободу. Маша встала, позавтракала наспех, оделась, вышла в школу. Метет- отметила Мария про себя. В школе все было как всегда. Старый дурак вахтер сначала не узнал ее:

- Посторонним сюда нельзя! – окрикнул ее вахтер
- Какая же я посторонняя, я тут учусь
- ну-ну проходи.

И так каждое утро. Уже надоело. Почему они его не смеют, он же видно что не справляется со своими обязанностями? – думала так Мария.

В классе все было как всегда. Даже скучно рассказывать. Окончила учиться к трем часам. Пошла домой.

– Шорх, шорх- пел ее друг снег, вторя ее шагам. Краем глаза она увидела Колю, который плелся за ней.

– че тебе надо?– остановившись спросила она с равнодушием- Ты очень навязчивый, Коля. Мне не нужны вообще друзья

– Я не об этом- начал Коля.– Сегодня я опять тебе снился?

– Да- сказала Маша- устала уже от тебя

–Видно отец хочет забрать тебя- Мой отец ловец душ во снах. Берегись

–Что за бред ты несешь?– спросила также равнодушно Маша

– Маша, это не бред, так и есть

– Все, отвали.

Дома Маша поела, выполнила все домашние задания, и начала читать книгу Аманду Лингер, австрийскую писательницу ,« Золотые жуки». Книга была очень интересная, но сегодня почему-то не захватывала Машу. И она выключив свет легла спать.

Ей опят приснился Коля со своим вонючим хлебом. И не только он.... Еще в центре стоял худошавый широкоплечивый мужчины в больших, как лупах очках и улыбался

–Это мой папа, Маш. Он пришел за тобой. И тут Маша проснулась. Только вот проснулась не у себя дома. Будто из темноты нырнула в очередную темноту и тесноту.

« Мешок» догадалась Маша. Она заерзала, и в конце концов высунула голову, и вдруг увидела, что ничего нет кру-

гом. Совсем ничего, да даже этого ничего нет. И еще мысль пробежала «Больше я не Маша», а еще пробежала тут же «Теперь я свободна, где только найти хозяина. Хозяин- ключ к свободе.» Мысли будто были не ее, а навеянные откуда-то с севера. Вдруг из ничего образовался Колин папа. «Пойдем со мной, больше тебе здесь делать нечего». « Вот он твой хозяин» – подсказали мысли «Идти к нему и повинуйся». И Маша послушалась, она не в силах была сделать иначе. « Умница» сказал Колин папа.

Маша проснулась. И со слезами обрадованная побежала к маме и папе.

Но вскоре, это пробуждение оказалось таким же сном. Снова, открыв глаза, она увидела себя в кастрюле голой. По пояс она была в воде, а рядом плавала морковка. За кулинера был Колин папа, он улыбался и готовил ужин. Потом она опять проснулась, и на этот раз по – настоящему. Но не у себя дома, а в мешке.

И опять ничего вокруг. Не было ни времени, ни границ, не было пустоты. Маша думала, что сейчас опять проснется ...

8 февраля 20 года Маши не стало. Похоронена на Новодевечьем кладбище, на севере от дома. Ее холодный трупик лежит глубоко-глубоко в теплой земле. Маша обрела Хозяина, и больше не одинока.

Новая земля

В полупустом зале кинотеатра шел фильм. О небе. Это был необычный фильм, потому что он был с одной стороны черно-белый, но при этом, о небе. Но это не было немое кино, время от времени раздавался свист прыжков парашютистов, или треск пленки, или облака шумели своими листьями.

Фильм начался ровно в восемь часов вечера. В зале было ровно двадцать человек. Мы смотрели фильм о небе.

В реальном мире никто никогда не видел таких фильмов. А мы видели. Мы были избранными.

Рома, мой сосед, по месту в зале, поделился со мной немного попкорном. На экране появилось предупреждение: «Выплюньте соль, через пять минут взлетаем». Черно-белая звезда лопнула о крыло истребителя.

«В зале не курить» – второе предупреждение. Рома затушил о передние кресло бычок.

«Надевайте маски» – третье предупреждение

«Сейчас будет громко» – четвертое предупреждение.

В следующие мгновение всех зрителей выбросила волна шторма. По экранному небу пошли волны пустоты. Кто-то заменил пленку.

Через мгновение экран взорвался, и все мы побежали к выходу. Начался пожар.

«Пропускайте вперед женщин, детей и инвалидов» – пятое предупреждение.

В воздухе пахнет серой, слышится оргия барабанов. Значит это всего лишь часть сеанса, понимает мы, и остаемся на месте. Тем временем вывеска «Выход из зала» тухнет, а места превращаются в камни. «Мы в западне» – думаем мы, и снова начинаем волноваться.

Тем временем, запах попкорна и чипсов так свойственный кинозалам, начинает испаряться. Серы тоже больше не чувствуется, пожар прошел. Барабаны перестают бить, теперь мы просто смотрим на небо, в своем естественный цвете. Это больше не черно-белый фильм, это больше не фильм, нет.

Крыша и стены зала куда-то исчезают, остаются только камни и небо. (Полотно экрана пропало еще во время третьего предупреждения).

Двадцать человек, первоиспытателей новой формы искусства. Я чувствую легкий вкус травы на языке и хочу улыбнуться месяцу (но мне слишком хорошо, чтобы улыбаться) Я просто смотрю на небо и радуюсь что жив. Мы на улице.

Лена прервала тишину: -Пойдемте еще на карусели
–Давайте!– подхватывает Илья. «Только чур, место у окна, не занимать, я туда хочу»

–А, я хочу домой – плачет маленькая Вика

– Ну и иди, не кто не держит – говорит Лена

– Я с Викой- говорю я ребятам.

– Хорошо, Леша! Пока – говорят восемнадцать равных

пионерских голосов. И уходят в сторону мира.

Богомол вторая версия

Довольно жечь сердца глаголом
Ходить над пропастью во ржи
Не лучше ли миролюбивым богомол
Сплести гнездо в рубахе лжи?
А где же ложь? А где тут правда?
Тут есть пространство волокна
Прочти текучей песни мантра
У баррикадного окна...
Но не бывать такой потехе
В семье погибнет богомол
И голова как лампа в цехе
Впервые освещает стол.

Сумасшедший кот на кладбище

Одинокий кот меж плит
На кладбище ловит мгновение
Не знает, он, что будет зарыт
Очень глубоко, в мое белое, как вино, стихотворение
В мой текст подобный яме зла
В мое тупое посвящение
Не миру, а тени подводных благ
Зарою глубоко, словно бабушка на зиму, в погреб, варенье
Чтобы проснувшись по весне, он замяукал с новой силой
И вновь отдался пустоте
Меж плит : такой родной, унылой.
«30.06.21»

НОВЫЙ ВИТОК ДАДАИЗМА

Я ли гордый дадаист
Сидящий в тени своей славы?
Порой очень больно разжать свой кулак
Так же как ослепнуть на время от вспышки фотоаппарата
Весло. Остров Пасхи. Комар в красном галстуке
Отсутствие связи времени... Замкнутость пальцев на за-

ТЫЛКЕ

Шарф из ягод, укрытых плющем шеи.
Возникновение нового понятия о чести
Сингулярная точность. И смех в коридоре больницы
Пауза, точка, небесная свастика
Легкий пожар, почки- их две
Сливовый пирог. Лицо в новостях
Лицо кандидата. Хватит!
Не выходи на трибуну
Сегодня ты в теле, а завтра твой дао
Цветком распахнется- взеземной притягательностью
Главное следить за шариком в ямке
Сложен путь от кулака до ладони
Больно порой разжимать. Так же как и ослепнуть внезап-

НО ОТ НОЧИ

Я ли горд собой в беспамятности писал песни
Я ли видел себя, ослепшего от музыки чернил

То была игра слов, и никакого вмешательства
Отбеливатель заменит снежные зерна
И сняв халат, как и тело, останусь наконец совсем один

Гордому поэту, пишущему исключительно в стол

Свое лицо ты прячешь от чужих зеркал
Но не потому что бесноватый или псих
А просто нет отточенности лекал
И каждый день сомнения влияют плохо на твой лик
И ты в созвездиях погряз
Считаешь их, как яркий счетовод
Но забываешь, тот, кто их к небу привязал
Был тоже лишь словесный, а значит, бездуховный код.
Минута, час, день, неделя, месяц, год
Прошли в сознании теплой белизной
За твоим шкафом спрятался рыжайший, светлый кот
Его цвет не зависит от тебя, и значит кот не твой.
«19.06.21»

"Его жена курица" – рецензия

«Его жена курица» – просмотрен мной вчера вечером, интересное произведение, это история о быте двух супругов, синего человека и курицы. Есть еще домашняя гусеница, так сильно напомнившая мне персонажа сказки Льюиса Кэрролла, математика- абсурдиста, что я невольно начал смотреть на эту картину через его призму. Ну, а что в Интернете, очень много разборов по Фрейду, символизм и прочие, но никто не когда не думал пропустить произведения искусства сквозь решето математических конвульсий.

Мультик поражает своей духовностью, и одновременно с этим холодностью стилистики.

При этом в нем много метафор, взятых из психоанализа. Больше всего понравился синий заводной автобус, который заводит пластинку. Ведь действительно, наша жизнь это пружина, ключик, в начале, когда у нее есть цель, чтобы заиграла пластинка, он движется по кругу, в угоду окружающим, но в конце фильма, последняя сцена он едет в даль по комнате, и в конце концов упирается в стену, символизирующее одиночество человека в любом союзе.

Вообще, люди, а я убежден, что в фильме, показаны, люди, хоть это курица, покойник и гусеница, тут показаны очень мнительными (всего лишь шепот человека в черном разрушил их привычную остановку, их жизненный цикл) но

при этом нуждающееся в поддержке и опоре. Что-то выше бытовой действительности, не случайно выгнав жену, сине-му мужчине снится сон, что он тонет в каше, жиже, а потом проснувшись, разбивает будильник. Вязкое вещество – это быт, а разбив будильник, он выбирает не выходить наружу, а искать поддержку в себе.

Но человек, по этому мультику не всегда мертв. Уют, вот нужное слово, которое разграничивает жизнь и смерть. Привычка, то что никуда не денется

Гусеница – это привычка, домашнее животное которое никуда не уйдет. Мертвец не случайно ее связывает ремнем к стулу. Мертвец- обыватель, обычный человек как мы с вами, он мертв и поэтому жив. Но в уютной обстановке, слушая классику, он ведет нечто большее, хотя в бытовой реальности он никто и звать его никак.

Курица – это порядок, равновесие, между привычкой и уютом. Как сделать в жизни так чтобы не приесться, не утомить, и при этом позаботиться о том, чтобы привычка не стала зависимостью. Да, курица не видит ничего выше быта, но именно она самая живая в этом микро- мирке, не имея утонченности вкуса к эстетике, она живет жизнь, а не размышляет о ней. Она знает точно, что ей надо делать и когда. Когда сварить, помыть, почистить, приготовить, и прочие. Она есть порядочность, которая так бывает хрупка, под натиском объективной действительности. «Ведь мир жесток и груб»– как писала Ахматова. «И Бог не спас».

Так к то же такой гость с подарком божьих коровок. Очевидно, что это и есть Мир. Мир с большой буквы, Мир не как фантом, а как свет. Именно он шепчет мужу, на не достаток его женщины. «Да она же курица, брат!» «А кругом есть еще – кругом их много и лучше»

Нет, не много и не лучше. Мир внушил нам свое представление о любви, о том что красота при выше ума, что побеждает сильнейшей. Но это ложь. В этом мире никто не побеждает, ни талантливый, ни хитрый, ни злой, ни слабый, ни юродивый... ни мертвый. В Мире не побеждают, в Мир либо приходят, либо уходят из Него. Никакой борьбы нет. А если и есть, то она уже проиграна, потому что бы иначе человек не был бы все время так одинок в себе.

И когда обычный человек это осознает, оставшись без равновесия, которого его решил Мир, только тогда он звонит, просит его вернуться в свое сердце. Равновесие возвращается, но больше нет мертвеца, на его месте стоит страх, потому что покаяние зеркальное отражение гордыни, и именно в беге этих состояний по кругу и была цель жизни таких разных, и таких одинаковых людей в этом микро-мирке, под названием быт, а отнюдь не в борьбе.

Листопад в соломенных часах

1

Немного апатичная девушка улыбнулось Живому морю в стене. Это море не было морем, в привычном для консервативных людей смысле. Скорее это был воск, который тек и застывал в цементе, причем он тек и застывал одновременно, поэтому казалось что из стены растут травы, и сосны. А на самом деле это одна пустота подменяла собою иную пустоту. Вечерело

– Мария, тебя зовет бабушка- позвал с верхнего этажа ее братик Коля. Его шею вчера слегка погрызла плющевая мышь, и он всем хвалился что похож на Оззи Осборна.

Маша и вышла из комнаты и направилась по коридору на кухню где ее ждали все домочадцы, они улыбались и пили чай.

– Что тебе снилось золотко? – спросила мягкотелая бабушка и обнажила локоть.

– Мне снился мальчик, – чуть помявший заговорил Маша

– Что делал мальчик?

– Засыпал в циферблат листики

– Зачем он это делал?

– Чтобы мучить... Часы были живые. Это самый настоящий организм

– ну-ну не горячись, ты итак родилась апатичной – сказала

бабушка и накрыла сгущенку рыжей пленкой от моли.

2

Вспышка. Камера. Мотор. Он начал снимать себя, изнутри. Это было как узи, только вместе электричества по телу бегали кошки. Он был автор своего индивидуального облачного атласа, который вскоре распадется на знаки и минералы. Вечерело, писалось хорошо. А когда пишется хорошо и мир вокруг тебя богат и хорош. Значит надо продолжать.

Сценарий следующего сна готов. Закачивайте в сеть. По ее спинному нерву прошла волна солнца. Она была кентавром мира весны. Она была Женщиной. Она была морем. Все в ней было от соли до камней морское. Сливовое.

Вот что происходил в стене, когда на нее смотрела Маша.

3

Золотые жуки ползали по ее лбу. Медленно. Утомительно. Красота в глазах смотрящего. Правда многие забывают, что и уродство тоже. Тексты зеркало сознания читателя, Вы, читатели так привыкли ловить себя в свои же ловушки, но Вам придется признать, мой атлас реален. Как и реальна Маша, как и реальны ее сны, где какой то мужчина в больших как лупах очках читает ей перед сном какие то совершенно мертвые стихи.

Она смахнула со лба капли молочной крови. Маше больше не нужна стена, не нужен Коля, не нужен вонючий хлеб. Она обитель мысли. И если консерваторы видят в ее индивидуальном море лишь каплю, холодного воска, то с их точки

зрения для нее нет ничего святого. Но действительно ли для нее нет ничего святого? Действительно ли она обрела Хозяйина?

Просто пространство исказило все не в ее пользу. Обнажив свои нервы, она больше не сможет читать Аманду Лингерн по ночам. Она стала замкнутой в скорлупе нерешенности. Но именно в этой нерешенности, и заключается ее свобода. Свобода словесного сна, как будто перепрошивки кода, с виртуальной манжетой. Все стоит в, как сказал классик. Все текучее начинает приедаться. Листопадом в соломенных часах.

«17.02.22»